

ЗОО-НЕКРОМАНТ НА ТРОПЕ ВОЙНЫ

Сердце Пустоши

Алла Чарова

Алла Чарова

Зоо-некромант на тропе войны, или Сердце Пустоши #2

<https://litres.ru/74208078>

Аннотация

Часть 2. После битвы за Мортемхолл прошёл месяц. Академия выстояла, но цена оказалась слишком высокой. Баргест, мой саркастичный, дымный, верный адский пёс, ушёл — не умер, а растворился в тенях, оставив после себя лишь горсть пепла и чёрное перо.

Я, Ирма Ван Дарк, больше не первокурсница и не позор рода. Я — Анима, носительница магии жизни, и я отказываюсь верить, что Баргест потерян навсегда. Его голос всё ещё звучит во мне. Он зовёт. И зов этот идёт из Пустоши — проклятых земель, откуда нет возврата.

Вместе с верной командой — вампиром без клыков, троллем-антимагом, эльфийкой-цветочницей и полудемоном с характером — я отправляюсь за грань. Мрачный некромант Рейнар, как всегда, рядом, но даже он не знает, что ждёт нас в сердце Пустоши. Древние руины Элизия, кочевники-тени, ожившие кошмары и тайна Анимантов, которую кто-то охраняет ценой собственной души.

Я не знаю, получится ли у меня вернуть Баргеста. Но я знаю одно: адские гончие не умирают. Они просто иногда уходят очень далеко. И я пойду за ним. Даже если для этого придётся спуститься в самое сердце тьмы.

Содержание

Пролог. Голос в тенях	5
Глава 1. Месяц тишины, или Призраки не умеют врать	6
Глава 2. Сборы, или Что берут с собой в Пустошь	12
Глава 3. Врата, которых нет, или Первый шаг в никуда	18
Глава 4. Мёртвый лес, или То, что приходит в тишине	26
Глава 5. Голос в тишине, или Кто мы без наших страхов	34
Глава 6. Равнина Шепчущих Камней, или Чужие секреты	40
Глава 7. Руины Элизия, или Кто ждёт в темноте	47
Глава 8. Допрос с пристрастием, или Что скрывает последний Анимант	54
Глава 9. Двойная битва, или Кто не спрятался — мы не виноваты	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Пролог. Голос в тенях

Первый месяц после битвы за Мортемхолл был тихим. Слишком тихим. Тишина висела над академией, как саван, и даже горгульи на карнизах не решались её нарушать. Они сидели, нахохлившись, и только изредка перешёптывались о том, что «девчонка с искрой теперь сама не своя».

Я и правда была сама не своя.

Каждую ночь я просыпалась от одного и того же сна: чёрное перо, парящее над озером, и голос — низкий, утробный, полный дыма. Он звал меня. Не по имени — по искре. «Девочка с искрой. Я ещё здесь. Не забывай».

И каждый раз, просыпаясь, я садилась на кровати и смотрела в темноту. Пепел поднимал голову и тихо скулил. Он тоже слышал. Он тоже помнил.

Баргест ушёл не до конца. Я знала это. Знала так же твёрдо, как то, что Анима течёт в моей крови. Адские гончие не умирают — он сам говорил мне это. Они просто иногда уходят очень далеко.

И я собиралась пойти за ним.

Даже если для этого придётся спуститься в самое сердце тьмы.

Глава 1. Месяц тишины, или Призраки не умеют врать

Завтрак в Мортемхолле был таким же, как всегда: големы путали кашу с чаем, магический хлеб пытался сбежать, а студенты делали вид, что всё в порядке. Только вот «в порядке» больше не было.

Я сидела за нашим столом и ковыряла ложкой овсянку, которая сегодня была цвета тревоги — серо-зелёной, с вкраплениями чего-то, что, кажется, шевелилось. Баргест, будь он здесь, сказал бы: «Это не каша, это некромантский эксперимент. Ешь давай, а то исчезнет». Но Баргеста здесь не было. И от этого каша была просто кашей.

— Ты опять не спала, — сказала Лиара, садясь напротив. Из её волос сегодня росли мелкие белые цветы — кажется, анемоны. Они всегда появлялись, когда она волновалась.

— Я спала, — ответила я. — Просто не выспалась.

— Это разные вещи.

— Спасибо, что объяснила.

Вален, как всегда, сидел с краю, сжимая свою серебряную флягу. Его бархатный сюртук был заштопан на локте — следы недавнего боя всё ещё напоминали о себе.

— Ты хоть понимаешь, — сказал он, — что если ты будешь ходить с таким лицом, то даже вампиры начнут тебя

бояться? А мы, вообще-то, страшные. Ну, кроме меня.

— Ты не страшный, — согласилась я. — Ты смешной.

— Я аристократично-смешной. Это другое.

Грон, сидевший рядом с Лиарой, медленно жевал хлеб. Его левое плечо, где раньше рос мох, теперь покрывал тонкий слой изумрудного лишайника — результат побочного эффекта от недавнего ранения. Лиара сказала, что это «временная флора», и Грон уже смирился.

— У тебя опять круги под глазами, — заметил он, глядя на меня. — Темнее, чем вчера.

— Я в трауре, — ответила я. — Мне можно.

— Ты в трауре уже месяц. Это не траур. Это... застревание.

Ксафа, появившаяся из тени колонны — она всё ещё любила так делать, — поставила поднос на стол и села. Её демонические рога были аккуратно подпилены, а в глазах горел знакомый жёлтый огонёк.

— Я слышала, ректор снова вызывал тебя вчера, — сказала она без предисловий.

— Вызывал.

— И что?

— Спрашивал, как я себя чувствую.

— А ты?

— Сказала, что нормально.

— Ты соврала.

— Конечно.

Элис, которая сидела чуть поодаль с неизменным блокнотом, подняла голову:

— Ложь ректору — это не преступление. Но если ты врёшь себе, это другое.

— Я не вру себе, — отрезала я. — Я просто... жду.

— Чего?

Я помолчала. Потом достала из кармана маленькое чёрное перо. То самое, что осталось от Баргеста после финальной битвы. Оно было тёплым. Всегда. Даже когда вокруг был холод.

— Я жду знака. Он где-то там. Я слышу его.

За столом повисла тишина. Даже хлеб перестал уворачиваться от ножа.

— Ты хочешь идти в Пустошь, — тихо сказал Грон.

— Да.

— Это безумие.

— Возможно.

— Там нет ничего, кроме смерти.

— Там есть Баргест. Или его след. Мне этого достаточно.

Рейнар, который всё это время стоял у окна, скрестив руки на груди, наконец заговорил. Его голос был, как всегда, ровным, но я слышала в нём напряжение.

— Пустошь — это не просто территория. Это другое измерение. Магия там работает иначе. Анима, возможно, вообще не будет действовать.

— Значит, пойду без неё.

— Ты умрёшь.

— Я уже частично мертва. С тех пор, как он ушёл.

Он отлепился от окна и подошёл к столу. Сел напротив меня и впервые за долгое время посмотрел прямо в глаза.

— Тогда я иду с тобой.

— Я не просила.

— А я не спрашивал.

Вален картинно вздохнул и отхлебнул томатного сока.

— Ну конечно. Мы все пойдём. Потому что мы — команда неудачников, и у нас нет инстинкта самосохранения. Я вампир, я бессмертен, но даже я понимаю, что это самоубийство.

— Ты можешь остаться, — сказала я.

— Нет, не могу. Если вы все умрёте, кто будет рассказывать о моём героизме? Я должен быть там. Для хроник.

— Для хроник, — повторила Ксафа с усмешкой. — Конечно.

Грон посмотрел на Лиару. Лиара посмотрела на Грона. Потом она кивнула.

— Мы с тобой, — сказала она. — Мы всегда с тобой.

Пепел, который лежал под столом, тихо тявкнул:

— Я тоже. Я сторож. Я охраняю.

Я опустила руку и погладила его по голове.

— Знаю, Пепел. Знаю.

Вечером того же дня мы собрались в библиотеке. Рейнар разложил на столе карту — старую, потрёпанную, с выцвет-

шими рунами. Он добыл её из запретной секции, и она пахла так, будто её сто лет не открывали. Пахла пылью, временем и чем-то ещё — чем-то, что я не могла опознать, но что заставляло сердце биться чаще.

— Это карта Пустоши, — сказал он, водя пальцем по рваным краям. — То, что осталось от империи Анимантов. Здесь, — он указал на центр, где руны складывались в подобие города, — Элизий. Или то, что от него осталось.

— Что нам там искать? — спросил Грон.

— Ответы. Если Баргест жив, его след ведёт туда. Если нет... — Рейнар помолчал. — Тогда там мы найдём тех, кто за это ответит.

— То есть и то и другое — повод для драки, — подытожила Ксафа.

— Да.

— Мне нравится.

Лиара склонилась над картой и провела пальцем по линии, обозначавшей, видимо, путь.

— А что это за тёмная полоса? — спросила она.

— Мёртвый лес, — ответил Рейнар. — Первое препятствие. Там тени живут своей жизнью. Они говорят голосами тех, кого ты потерял. Если ты не готов их слышать — они сведут тебя с ума.

— Чудесно, — сказал Вален. — Мы идём в лес, где нас будут дразнить мёртвые. Лучший план. Я в восторге.

— Ты всегда в восторге, — заметила Элис.

— Это сарказм. Я вампир. У нас сарказм вместо пульса.

Я не слушала их перепалку. Я смотрела на карту и чувствовала, как перо в кармане становится теплее. Оно пульсировало в такт моему сердцу. Или это сердце пульсировало в такт ему? Я уже не различала.

— Когда выдвигаемся? — спросила я.

— Через три дня, — ответил Рейнар. — Нужно подготовиться. Артефакты, припасы, разрешение ректора.

— Он даст?

— Он не может нас удерживать. Мы не пленники.

— Мы студенты.

— Мы — солдаты. После битвы — официально. А солдаты имеют право выбирать, где им умирать.

— Я не собираюсь умирать.

— Я знаю. — Он чуть улыбнулся — почти незаметно, но я заметила. — Поэтому ты и ведёшь нас.

Ночью я снова проснулась от голоса. Он был тише, чем обычно, почти шёпот.

«Девочка с искрой. Ты собираешься в путь. Не забудь меня. Я здесь. Я жду».

Я села на кровати. Пепел поднял голову.

— Я не забуду, — сказала я в темноту. — Никогда.

И где-то далеко, в сердце Пустоши, тень с красными глазами шевельнулась и удовлетворённо вздохнула.

Глава 2. Сборы, или Что берут с собой в Пустошь

Утро третьего дня подготовки началось с того, что я проснулась от запаха гари.

Не той гари, что остаётся после битвы, и не той, что исходит от Баргеста, когда он не в духе, а совсем другой — едкой, химической, с примесью жжёного сахара и чего-то, что я не могла опознать. Запах шёл из коридора.

Я натянула мантию и вышла. Пепел, уже стоявший у двери, насторожил уши.

— Там что-то горит, — сообщил он.

— Я чувствую.

— Это не опасно. Но пахнет странно.

— Ты можешь определить, что именно горит?

— Кажется, чей-то завтрак.

Мы спустились в общую гостиную. Там, у камина, стоял Грон и держал в руках сковороду, из которой валил дым. Лиара, сидевшая на подоконнике, прижимала к носу платок. Вален, напротив, стоял в опасной близости от огня и что-то помешивал во фляге.

— Что здесь происходит? — спросила я.

— Я готовил яичницу, — сказал Грон.

— Ты тролль. Тролли едят минералы.

— Я решил расширить рацион. Кажется, зря.

— Кажется, — согласилась я, глядя на сковороду. Яичница была не просто подгоревшей — она была какого-то неестественного фиолетового цвета и тихо шипела.

— Это потому что он добавил магический стабилизатор, — пояснила Лиара. — Он думал, что это соль.

— Я думал, это соль, — подтвердил Грон. — Она была белая. И в банке. С надписью «Соль».

— Надпись была зачёркнута, — уточнила Лиара. — А ниже было написано «Стабилизатор магической структуры. Не употреблять внутрь».

— Я не заметил.

— Ты тролль. Ты вообще редко что-то замечаешь, кроме опасности.

— Это неправда. Я ещё замечаю, когда мне грустно.

Вален, который всё это время молчал, наконец оторвался от своей фляги и произнёс:

— Если вы закончили, у меня важное объявление. Я изобрёл новый напиток.

— Томатный сок с добавлением томатного сока? — предложила я.

— Нет. Томатный сок с антимагическим фильтром. Если выпить это перед входом в Пустошь, можно временно приглушить магический фон. На час. Может, на два.

— Ты это серьёзно?

— Я вампир без клыков. Я всё делаю серьёзно. Кроме охо-

ты. И светских бесед. И танцев.

— Ты вчера танцевал с Ксафой, — напомнила Лиара.

— Это был не танец. Это был тактический манёвр.

— Тактический манёвр под вальс?

— Вальс тоже может быть тактикой.

Я оставила их спорить и пошла искать Рейнара. Он, как всегда, был в башне. На столе перед ним лежали разложенные артефакты: защитные амулеты, светильники на некро-энергии, маленький компас, который показывал не на север, а на источник ближайшей магии.

— Ты не спал? — спросила я, садясь напротив.

— Я вампир. Мы спим, когда можем. Сейчас не могу.

— Из-за меня?

— Из-за всего. — Он отложил компас. — Пустошь — это не шутка, Ирма. Я читал старые дневники. Те, кто туда входил, либо не возвращались, либо возвращались другими. Изменёнными.

— Ты боишься?

— Я боюсь не за себя.

— За меня?

— За всех. Но за тебя — особенно.

Я взяла его за руку. Холодную, как всегда, но пальцы чуть дрогнули.

— Мы вернёмся, — сказала я. — И Баргеста вернём. Или хотя бы узнаем, что с ним.

— А если узнаем то, что не захотим знать?

— Тогда я хотя бы перестану просыпаться по ночам от его голоса. Или, наоборот, начну просыпаться, чтобы его услышать. Я ещё не решила.

Он посмотрел на меня долгим взглядом и сказал:

— Ты стала жёстче.

— Я стала честнее. Это разные вещи.

— Нет. Одно и то же.

День прошёл в сборах. Лиара упаковывала целебные травы и училась сворачивать бинты заклинанием — у неё получалось через раз, и один бинт улетел в окно. Грон тренировался поглощать магию без побочных эффектов — теперь он мог не просто отражать, но и накапливать её в ладонях, чтобы потом выплеснуть коротким импульсом. Мастер Драган назвал это «прогрессом». Грон назвал это «больше не светиться». Ксафа точила свой нож с чёрным лезвием и медитировала — из её комнаты доносился низкий гул, от которого дрожали стёкла. Вален варил свою антимагическую настойку и утверждал, что она «почти готова, только цвет подкачал». Элис составляла подробный план маршрута, сверяясь с картой Рейнара и своими заметками. Она сказала, что Пустошь — это «задача с неизвестными переменными», и это было самое страшное, что я от неё слышала.

А я сидела у окна в нашей комнате и смотрела на восточную стену. Пепел лежал рядом, положив голову на лапы.

— Ты боишься? — спросил он.

— Боюсь. Но не так, как раньше. Раньше я боялась, что

не справлюсь. Теперь я боюсь, что справлюсь, но не так.

— Это мудрость?

— Это усталость.

— Усталость и мудрость — сёстры. Как тоска и надежда.

— Ты сегодня философ.

— Я всегда философ. Просто обычно молчу.

Я погладила его по голове.

— Мы найдём его?

— Я сторож. Я нахожу то, что потеряно. Это моя работа.

— А если он не хочет, чтобы его нашли?

— Тогда я буду лаять, пока не захочет.

Я улыбнулась. Впервые за долгое время — не через силу, а по-настоящему.

Вечером мы собрались в гостиной. Рейнар расстелил карту и отметил три точки:

— Мёртвый лес — здесь. Равнина Шепчущих Камней — здесь. Руины Элизия — здесь. Если идти быстро, доберёмся за неделю. Если идти осторожно — за две.

— А если идти с Гроном? — спросил Вален.

— Что с Гроном?

— Он тролль. Они медленные.

— Я не медленный, — возразил Грон. — Я обстоятельный. Это разные вещи.

— Ты ползёшь, как сытая черепаха.

— Я экономлю силы. Для битвы.

— Для битвы с кем? С улиткой?

— С улиткой я бы справился за секунду. Улитки не колдуют.

Ксафа расхохоталась. Лиара прыснула. Даже Элис улыбнулась — что было редкостью. Я смотрела на них и чувствовала, как что-то внутри — маленькое, тёплое — разгорается снова.

— Мы выдвигаемся завтра на рассвете, — сказал Рейнар. — Если кто-то хочет остаться — ещё не поздно.

Никто не ответил. Потому что никто не хотел оставаться.

Ночью я долго не могла уснуть. Вышла во двор, к «Лу-же Скорби», где когда-то мы сидели все вместе. Вода была чёрной и неподвижной, как зеркало, в котором отражались звёзды. И где-то в этой воде, в тенях, в глубине, я увидела знакомый красный отблеск. Он мелькнул и исчез.

— Я иду, — прошептала я. — Жди.

Завтра на рассвете мы отправлялись в Пустошь. Впервые за долгое время я не боялась будущего. Я ждала его.

И где-то там, за гранью, адский пёс ждал меня.

Глава 3. Врата, которых нет, или Первый шаг в никуда

Рассвет над Мортемхоллом был серым и тихим. Даже горгульи на карнизах не пели — сидели, нахохлившись, и провожали нас взглядами. Одна из них, та самая, с отбитым ухом, негромко каркнула: «Вернитесь, дураки». Я не обернулась.

У восточных ворот нас ждали. Ректор Арктурус Мортем стоял, опираясь на посох, и выглядел так, будто не спал всю ночь. Рядом с ним переминался профессор Грейвз — сегодня без вязания, но с тем самым полосатым шарфом на шее, который он, кажется, наконец закончил. Шарф был длинным и явно тёплым, и концы его волочились по земле.

— Значит, всё-таки идёте, — сказал ректор, когда мы приблизились.

— Идём, — ответила я.

— Я мог бы приказать вам остаться.

— Могли бы. Но вы не стали.

— Потому что приказы не работают на тех, кто уже всё решил. — Он помолчал. — Я помню времена, когда Аниманты ещё не были легендой. Тогда Пустошь не была Пустошью. Она была садом. Помните об этом. Там, под слоем пепла, всё ещё лежит жизнь. Не дайте ей умереть окончательно.

— Мы постараемся, — сказал Рейнар.

— Я не вам, Морвейн. Я ей. — Ректор посмотрел на меня.

— Ты — Анима. Ты можешь не только отнимать жизнь у смерти, но и возвращать жизнь туда, где её не было. Это твой истинный дар. Не поднятие мёртвых. Возрождение.

Я хотела ответить, но не нашлась. Вместо этого кивнула.

Грейвз шагнул вперёд и сунул мне в руку маленький стеклянный флакон. Внутри переливалась серебристая жидкость, похожая на ртуть, но теплее.

— Это концентрат стабилизации, — сказал он своим обычным сухим голосом. — Если твоя искра начнёт угасать — выпьешь. Хватит на один раз. И пожалуйста, Ван Дарк, не вздумайте использовать это для оживления каких-нибудь доисторических тварей. Я делал его три недели.

— Вы делали его сами?

— А кто ещё? У нас в академии только я умею варить стабилизаторы. И вязать.

— Я заметила.

— Это был не комплимент.

— Это был не сарказм.

Он хмыкнул и отступил.

Мы вышли за ворота. Семь фигур в серых походных плащах: я, Рейнар, Лиара, Грон, Вален, Ксафа, Элис. И Пепел, бегущий рядом. За спиной остался Мортемхолл — мрачный, родной, пахнувший формалином и старыми книгами. Впереди лежала дорога на восток. Сначала — обычная, вымощен-

ная камнем, с указателями. Потом — грунтовая, с колеями от телег. А дальше — то, чего не было ни на одной карте, кроме той, что Рейнар добыл в запретной секции.

— Ну что, — сказал Вален, поправляя капюшон, — идём умирать?

— Идём искать, — поправила я.

— Искать и умирать. Одно другому не мешает.

— Ты сегодня оптимист.

— Я вампир. У нас оптимизм заменяет пульс.

Первые часы пути были почти обычными. Лес редел, поля сменялись пустошами, и где-то вдалеке паслись дикие лошади — не магические, просто кони, которые подняли головы и проводили нас взглядами. Пепел иногда убегал вперёд и возвращался, докладывая: «Впереди чисто. Птицы молчат. Это странно».

К полудню начало меняться небо. Сначала оно просто затянулось облаками — серыми, тяжёлыми, неестественно низкими. Потом облака стали зеленоватыми, и в них замерцали сполохи — не молнии, а что-то другое, медленное, текучее, как подводные течения.

— Это граница, — сказал Рейнар, останавливаясь. — Дальше — Пустошь.

— А где стена? — спросила Лиара. — Где ворота? Где стража?

— Нет стены. Нет врат. Пустошь — это не место. Это состояние. Когда-то здесь была империя. Теперь — то, что от

неё осталось.

— И как мы поймём, что пересекли границу? — спросил Грон.

— Поймёшь, — коротко ответил Рейнар.

Мы двинулись дальше. И через сотню шагов я поняла.

Воздух стал гуще. Не холоднее — именно гуще, как будто в него подмешали что-то вязкое, невидимое. Звуки изменились: шаги стали глуше, голоса — тише, даже дыхание — будто через вату. И магия — моя искра, которая всегда теплилась внутри, — вдруг задрожала и сжалась, как испуганный зверёк.

— Я чувствую, — сказала я, останавливаясь.

— Что? — спросила Ксафа.

— Здесь магия работает иначе. Моя искра... она прячется.

— Моя тоже, — призналась Ксафа. — Демоническая кровь обычно горячая, а сейчас — как остывший чай.

— А у меня цветы вянут, — тихо сказала Лиара. Из её волос действительно осыпались лепестки, и новые не росли.

— У меня иммунитет молчит, — добавил Грон. — Впервые за месяцы. Я даже не знаю, радоваться или бояться.

— Бояться, — сказала Элис, не отрываясь от блокнота. — Это значит, что Пустошь подавляет активную магию. Мы входим в зону нулевого фона.

— И что это значит для нас? — спросил Вален.

— Это значит, что заклинания будут слабее. Или не работают вообще. А те, что работают, могут иметь неожидан-

ные последствия.

— Прекрасно. Мы — команда магов, которые не могут колдовать. Идём в сердце проклятых земель. Лучший план.

— У тебя есть другой? — спросила я.

— Нет. Поэтому я и жалею. Жалобы — это мой способ принимать неизбежное.

Мы шли ещё час. Ландшафт менялся: трава исчезла, уступив место серой, потрескавшейся земле. Деревья — те, что ещё стояли, — были мёртвыми, скрюченными, с ветвями, похожими на пальцы. Иногда среди камней попадались кости — мелкие, звериные, но чем дальше, тем крупнее. Один раз мне показалось, что я видела человеческий череп, но я не стала присматриваться.

Пепел остановился и зарычал. Низко, утробно, как некогда раньше.

— Я чувствую, — сказал он. — Впереди. Кто-то есть.

— Живой? — спросил Рейнар.

— Не знаю. Но он смотрит.

Мы замерли. Впереди, метрах в пятидесяти, из серой дымки выступила фигура. Высокая, тощая, закутанная в лохмотья. Лица не было видно — только горящие зелёным глаза. Фигура стояла и смотрела на нас. Не двигалась. Не угрожала. Просто стояла.

— Это кочевник-тень, — тихо сказал Рейнар. — Они живут на границе. Иногда нападают, иногда нет.

— А сейчас? — спросила я.

— Сейчас — смотрит. Значит, оценивает.

— И что нам делать?

— Идти. Медленно. Не показывая страха.

Мы двинулись вперёд. Фигура проводила нас взглядом, но не шелохнулась. Когда мы поравнялись с ней, я услышала звук — тихий, похожий на скрежет. Это был голос. Она говорила. Я не разобрала слов, но тон был не угрожающим. Скорее... печальным.

— Что она сказала? — шёпотом спросила Лиара.

— Не знаю, — ответила я. — Но, кажется, она нас предупредила.

— О чём?

— О том, что дальше будет хуже.

К вечеру мы вышли к Мёртвому лесу. Он начинался внезапно — не как обычный лес, с подлеском и постепенным сгущением, а как стена. Огромные чёрные стволы уходили в небо, и кроны их терялись в зеленоватом тумане. От леса веяло холодом и чем-то ещё — тишиной, которая была глубже любой тишины. Ни ветра, ни шороха, ни птичьего крика.

— Здесь заночуем, — сказал Рейнар. — Входить в лес ночью — самоубийство.

— А днём? — спросил Вален.

— Днём — просто опасность.

Мы разбили лагерь у кромки леса. Грон разжёл костёр — обычный, не магический, просто сухие ветки и огниво. Лиара сварила чай из трав, которые, по её словам, «ещё не до

конца завяли». Ксафа сидела на камне и точила свой нож. Элис делала записи в блокноте.

Я сидела у костра и смотрела в темноту. Пепел лежал рядом, положив голову на лапы. Рейнар сидел напротив и молча глядел на пламя.

— Ты слышишь его? — спросил он вдруг.

— Кого?

— Баргеста.

Я помолчала.

— Слышу. Не голос. Что-то другое. Как эхо. Как будто он где-то рядом, но очень далеко.

— Здесь, в Пустоши, расстояния — не то, чем кажутся. Если он жив, он может быть ближе, чем мы думаем. Или дальше, чем можно представить.

— Ты веришь, что он жив?

— Я верю, что адские гончие не умирают. Он сам так говорил.

— Он много чего говорил.

— И почти всё было правдой.

Я улыбнулась.

— Почти, — повторила я. — Он любил это слово.

Ночью, когда все уснули, я вытащила из кармана чёрное перо. Оно было тёплым. И пульсировало — не в такт моему сердцу, а в своём собственном ритме. Как будто где-то далеко билось другое сердце. И ждало.

— Я здесь, — прошептала я. — Я иду.

И в тишине Мёртвого леса что-то шевельнулось. Не враг.
Не тень. Что-то, что слышало меня. И отвечало.

Глава 4. Мёртвый лес, или То, что приходит в тишине

Мёртвый лес встретил нас тишиной. Не той тишиной, что бывает в обычных лесах перед грозой, когда птицы замолкают, а звери прячутся по норам. Здесь не было ни птиц, ни зверей. Не было ветра в кронах, хотя ветви качались. Не было шороха листьев под ногами, хотя мы наступали на сухую хвою. Всё тонуло в вязком, непроглядном покое, и от этого звенело в ушах.

— Жутко, — прошептала Лиара, поправляя капюшон. Из её волос сегодня неросло ничего — впервые за всё время, что я её знала. Цветы увяли ещё вчера, и она выглядела без них почти незнакомой: бледнее, тоньше, старше.

— Жутко — это когда ты вампир и у тебя нет клыков, — отозвался Вален, но голос его звучал неуверенно. — А это... это просто неудобно.

— Неудобно — это когда в библиотеке заканчивается чай, — сказал Грон. — А здесь — смерть.

— Смерть — это моя специализация, — заметил Рейнар. — И я говорю: здесь не смерть. Здесь её отсутствие. Смерть — это покой, а здесь — ничто.

— Я не понял, — сказал Грон.

— Это значит, что здесь нет ничего. Даже смерти. Только

тени.

— И что нам с этим делать?

— Идти, — коротко ответил Рейнар.

Мы двинулись вглубь.

Стволы обступали нас со всех сторон — чёрные, искривлённые, с корой, похожей на застывшую чешую. Корни выпирали из земли, как кости, и хватали за ноги. Несколько раз я спотыкалась, и каждый раз Пепел подныривал под руку, помогая удержать равновесие.

— Я слышу что-то, — сказал он через час пути.

— Что именно?

— Шёпот. Далеко. Но приближается.

— Кто?

— Не знаю. Не живые. Но и не мёртвые. Между.

— Тени, — сказал Рейнар, останавливаясь. — Они здесь повсюду. Они будут говорить с нами голосами тех, кого мы потеряли. Или боимся потерять. Или хотим забыть. Лес питается страхами.

— И что нам делать? — спросила Ксафа, сжимая нож.

— Не слушать. Или, наоборот, слушать, но не верить. Это иллюзии.

— А если иллюзия ударит? — спросил Вален.

— Тогда бить в ответ. Но помнить: это не человек. Это тень.

Мы пошли дальше. И через сотню шагов я услышала его. «Девочка с искрой».

Я замерла. Сердце стукнуло где-то в горле. Голос был низкий, утробный, полный дыма — тот самый, который я слышала во сне каждую ночь. Но теперь он звучал иначе. Ближе. Реальнее.

— Ты слышишь? — прошептала я Пеплу.

— Слышу. Это он?

— Похоже.

— Но не он. Пахнет по-другому.

Я повернулась к Рейнару. Он уже смотрел на меня.

— Не ведись, — сказал он. — Это лес.

— А если это правда он?

— Если правда — он не будет говорить с тобой через тени.

Он придёт сам.

Я заставила себя идти дальше. Голос ещё несколько раз позвал меня, но я не отвечала. С каждым разом он становился тише, пока не исчез совсем.

Зато появились другие голоса.

Первый услышал Грон.

— Грон, — произнёс кто-то. Женский голос, низкий и тёплый. — Ты стал таким большим. А помнишь, как мы вместе сажали розы у дома?

Грон остановился. Лицо его, обычно невозмутимое, дрогнуло.

— Это мама, — сказал он. — Она умерла.

— Это тень, — сказала Элис, беря его за руку. — Не слушай.

— Она говорит о розах. О настоящих розах, которые я сломал случайно, когда был маленький. Она тогда плакала. Откуда тень знает?

— Тень знает всё, что знаешь ты. Поэтому и говорит.

Грон закрыл глаза, сделал глубокий вдох и открыл их снова.

— Я знаю, что ты не она, — сказал он в пространство. — Но всё равно... иди к свету. Ты его заслужила.

Голос замолк.

Потом заговорили с Ксафой. И с Валеном. И с Лиарой.

Ксафа слышала своего отца — того самого, которого убили охотники за Анимой, когда ей было пять. Он говорил, что гордится ею, что она выросла достойной дочерью, что он всегда рядом. Ксафа не заплакала, но её демонические глаза полыхнули так ярко, что деревья вокруг на секунду озарились жёлтым.

— Я знаю, пап, — сказала она. — Иди. Я справлюсь.

Вален слышал мать — ту, что умерла, когда ему было десять. Она смеялась и говорила, что он наконец-то нашёл друзей, и что ей жаль, что она не видит его сейчас. Вален, вампир-аристократ, циник с серебряной флягой, вдруг сел на землю и закрыл лицо руками.

— Я не могу, — прошептал он. — Не могу её слушать.

— Не слушай, — сказала я, опускаясь рядом. — Но если хочешь — помни. Это твоя память. Лес её украл, но не может испортить.

— Она говорила, что я — её маленький вампир. А у меня даже клыков нет.

— Ты — её сын. Клыки не главное.

Он помолчал. Потом встал, отряхнул плащ и произнёс:

— Идём. Если я ещё раз её услышу, я начну писать стихи. А это никому не нужно.

Лиара слышала отца — того, который умер, когда она пыталась его вылечить. Он говорил, что не винит её, что она была лучшей целительницей, которую он знал, и что цветы в её волосах — это прекрасно. Лиара заплакала, но не остановилась. Она просто шла и плакала, и лепестки снова начали пробиваться сквозь волосы — маленькие, белые, похожие на снег.

— Я тебя простила, пап, — сказала она. — Теперь ты прости меня.

Рейнар молчал. Я не знала, слышал ли он кого-то. Может, Тарина. Может, своего отца — ту пустую оболочку, что осталась от него после охотников. Он ничего не говорил, но его рука, сжимавшая меч, побелела.

А я снова слышала Баргеста. На этот раз — ближе.

«Девочка с искрой. Ты всё ещё идёшь. Не сворачивай. Здесь темно, но я вижу тебя. Я жду».

— Я знаю, — прошептала я. — Держись.

И где-то в глубине леса, далеко, но не бесконечно, что-то тёмное и дымное подняло голову и ответило.

К полудню мы вышли к прогалине. Здесь деревья рассту-

пались, и в центре стояло то, что когда-то было строением — может, храмом, может, жилым домом. Сейчас — только остов стен, заросший чёрным мхом.

— Здесь заночуем, — сказал Рейнар. — Дальше идти опасно. Ночью тени сильнее.

— А днём? — спросил Вален.

— Днём они просто говорят. Ночью могут ударить.

Мы разбили лагерь внутри руин. Грон снова разжёг костёр — здесь, в Пустоши, обычный огонь давал странное зеленоватое пламя, но хотя бы грел. Лиара, у которой снова начали расти цветы, сварила чай. Ксафа и Вален выставили дозорных по углам.

Я сидела у костра, Пепел лежал у моих ног. Рейнар сел рядом.

— Ты слышал кого-то? — спросила я.

— Да.

— Кого?

— Отца. Он говорил, что я его разочаровал.

— Это неправда.

— Я знаю. Но лес знает, куда бить.

— Он бьёт по самым больным местам.

— Именно. Поэтому мы не должны давать ему слабинку.

— Ты дал?

Он помолчал.

— Нет. Но было близко.

Я взяла его за руку. Холодную, твёрдую.

— Мы выйдем, — сказала я. — Мы всегда выходим.

— Знаю.

— Тогда почему ты боишься?

— Потому что в этот раз, — он посмотрел на меня, — ставка — не только мы.

Я не нашлась, что ответить. Мы сидели так, глядя в огонь, и где-то в темноте за стенами теней становилось больше.

Ночью на нас напали.

Не физически — тени не могли пробиться сквозь огонь. Они пришли во сне. Мне снился Мортемхолл, объятый пламенем. Снился Тарин, который стоял у восточной стены и махал рукой. Снился Баргест, который лежал на берегу и говорил: «Ты опоздала».

Я проснулась с криком. Рядом уже сидела Лиара, бледная, с трясущимися руками.

— Тебе тоже? — спросила она.

— Да.

— Всем.

Мы переглянулись. У костра уже сидели все, кроме дозорных. Даже Вален, который обычно не спал, выглядел так, будто только что выбрался из могилы.

— Они больше не говорят, — сказал он. — Они показывают.

— Это новая фаза, — сказала Элис, листовая блокнот. — Лес тестирует нас. Сначала голоса, потом сны. Завтра, возможно, пойдут в атаку.

— Мы можем дать им бой? — спросил Грон.

— Бой с теньями? — Рейнар покачал головой. — Это как бить воду. Они не умирают.

— Тогда что?

— Не спать. Идти быстро. И верить, что мы выйдем раньше, чем лес нас сломает.

Я посмотрела на восток. Там, за стеной деревьев, за полосой тумана, что-то ждало. Что-то дымное. Что-то верное.

— Мы выйдем, — сказала я. — Завтра.

И где-то в глубине Мёртвого леса тень с красными глазами удовлетворённо вздохнула.

Глава 5. Голос в тишине, или Кто мы без наших страхов

Утро в Мёртвом лесу не наступало. Просто темнота становилась чуть менее густой, а зеленоватый туман поднимался от земли, как дыхание спящего зверя. Я не спала вторую ночь подряд — после того сна с Баргестом, который говорил «ты опоздала», глаза отказывались закрываться. Каждый раз, когда веки тяжелели, в голове звучал его голос, и сердце пропускало удар.

— Ты похожа на призрака, — сказал Вален, когда мы собрались у догорающего костра. — А я вампир, я разбираюсь в таких вещах.

— Я просто устала.

— Устала — это когда у тебя круги под глазами. А у тебя — провалы. Ты не устала. Ты на грани.

— Я в порядке.

— Ты врёшь себе, — спокойно заметила Элис, не отрываясь от блокнота. — Но это нормально. Мы все врём себе здесь. Лес так действует.

— А ты что записываешь? — спросила я.

— Закономерности. Тени атакуют каждые три-четыре часа. Сначала голосами, потом образами, потом пытаются проникнуть в сны. Сейчас мы на третьем этапе. Следующий —

прямой контакт.

— Ты говорила, что они не могут пробиться сквозь огонь.

— Днём — не могут. Но ночью... — она замялась, — ночью костёр горит хуже. Вы заметили?

Я заметила. Зеленоватое пламя с каждым часом становилось ниже, а тени вокруг руин — гуще. Они стояли по периметру лагеря, не приближаясь, но и не уходя. Ждали.

— Сегодня мы должны выйти, — сказал Рейнар, поднимаясь. — Если задержимся ещё на одну ночь, они пробьют защиту.

— А если не выйдем? — спросил Грон.

— Тогда будем драться.

— Я готов драться, — сказала Ксафа, поглаживая лезвие ножа. — Но против теней мой клинок бесполезен.

— Против теней бесполезно всё, — ответил Рейнар. — Кроме одного.

— Чего? — спросила я.

— Света. Не магического. Живого.

— Анима, — тихо сказала Лиара, глядя на меня.

— Да. Если Ирма сможет создать тот же купол, что держала в Мортемхолле, он отгонит их. Хотя бы на время.

— Тот купол держался на мне, — возразила я. — А я сейчас... я почти пустая. Искра еле теплится.

— Значит, надо её разжечь.

— Как?

Рейнар посмотрел на меня долгим взглядом.

— Вспомни, ради кого ты сюда пришла.

Я закрыла глаза. Баргест. Его голос. Его дым. Его сарказм. «Девочка с искрой, ты опять не выпалась. У тебя под глазами круги, как у доисторической жабы». Я почти услышала это — не как эхо, не как шёпот леса, а как настоящий звук. И где-то внутри, глубоко-глубоко, искра шевельнулась.

— Я попробую, — сказала я.

Мы двинулись через лес. Рейнар шёл впереди, прокладывая путь. Грон и Ксафа прикрывали фланги. Вален и Лиара — середину. Элис замыкала строй, постоянно сверяясь с картой и своими заметками. Пепел бежал рядом со мной, иногда тыкаясь носом в ладонь — проверял, не остыла ли.

И тени шли за нами.

Сначала они просто стояли между стволами — неподвижные, с зелёными глазами. Потом начали двигаться: медленно, скользяще, как вода. Они не нападали, но расстояние сокращалось.

— Они готовятся, — сказала Элис. — Ждут, когда мы ослабеем.

— А мы ослабеем? — спросил Вален.

— Мы люди. Или почти люди. Мы всегда ослабеваем.

— Я не ослабею, — сказала Ксафа. — Я демон.

— Ты полукровка, — поправил Вален.

— Этого достаточно.

— Для чего?

— Для гордости.

Первая атака случилась через час.

Тень отделилась от ствола и метнулась к Грону. Он выставил руки, пытаясь поглотить удар, как делал это всегда, — но здесь, в Пустоши, его иммунитет работал иначе. Тень не рассеялась, а просочилась сквозь пальцы и ударила в грудь. Грон пошатнулся, но устоял.

— Больно, — сказал он сквозь зубы.

— Что ты чувствуешь? — спросила Лиара, бросаясь к нему.

— Холод. И... стыд. Как будто я снова сломал мамины розы.

— Это не твои эмоции! — крикнула Элис. — Это лес! Не принимай!

— Я знаю, — прорычал Грон. — Но они настоящие!

Вторая тень атаковала с другой стороны. За ней — третья. Мы сбились в круг, выставив оружие, но тени не боялись клинков. Они проходили сквозь сталь, как сквозь воздух, и тянулись к лицам.

— Ирма! — крикнул Рейнар. — Сейчас!

Я закрыла глаза. Искра внутри дрожала, как загнанный зверёк. Я потянулась к ней, но она ускользала. Я попыталась снова — ничего. Паника начала подниматься из живота к горлу.

— Не получается!

— Получается! Вспомни его!

Я вспомнила. Не голос — образ. Как Баргест впервые по-

явился в фамильном склепе, встряхнулся, разбрызгивая искры, и оглядел меня с головы до ног. «Ну и вид у тебя. Тебя что, скелетом лошади в детстве напугали?» Я вспомнила, как он лежал у камина, занимая полкомнаты, и комментировал мои попытки сдать экзамен. Вспомнила, как он бросился на жожака, зная, что умрёт. И как его последние слова были сарказмом.

«Ну вот, девочка с искрой. Я же говорил, что умею уходить красиво».

Искра вспыхнула.

Не теплом — жаром. Не светом — пламенем. Золотистый купол вырос вокруг нас мгновенно, как в тот день у восточной стены, но теперь он был ярче. Тени, коснувшиеся его, взвыли и отпрянули. Те, что не успели отступить, рассыпались пеплом.

— Держи! — крикнул Рейнар.

Я держала. Минуту. Вторую. Тени кружили вокруг купола, бились в него, но не могли пробиться. А потом — отступили. Просто ушли в глубину леса, как вода в песок.

Я опустила руки и упала бы, если бы Рейнар не подхватил.

— Ты справилась, — сказал он.

— Я слышала его. По-настоящему.

— Значит, он жив.

— Значит, жив.

Мы двинулись дальше. Лес редел. Туман расступался. И через час мы вышли на край.

Перед нами лежала равнина. Серая, бескрайняя, усеянная камнями. Камни были разного размера — от мелких, как кулак, до огромных, как дом. И все они тихо, едва слышно, гудели.

— Равнина Шепчущих Камней, — сказал Рейнар. — Второй рубеж.

— Что они шепчут? — спросила Лиара.

— Прошлое. Будущее. Тайны, которые ты не хочешь знать. — Он помолчал. — Но здесь, по крайней мере, нет теней.

— А что есть? — спросила я.

— Память. И правда. А это иногда страшнее.

Мы ступили на равнину. Камни зашептали громче. Я не разбирала слов, но чувствовала: они говорят обо мне. О Баргесте. О том, что будет в конце пути.

И где-то далеко-далеко, в сердце Пустоши, адский пёс поднял голову и улыбнулся.

— Она идёт, — пророкотал он в пустоту. — Я же говорил. Она упрямая.

Глава 6. Равнина Шепчущих Камней, или Чужие секреты

Равнина встретила нас тишиной. Но это была другая тишина — не та, что в Мёртвом лесу. Там тишина давила. Здесь — ждала. Будто камни затаили дыхание и разглядывали нас, решая, достойны ли мы идти дальше.

— Ненавижу, когда на меня смотрят, — сказал Вален, поправляя воротник. — Особенно камни. У них нет глаз, а всё равно неуютно.

— Это потому что у них есть память, — отозвалась Элис. — Если верить записям, эта равнина — остатки дороги, которая вела к Элизию. По ней шли паломники. Тысячи людей. Их эмоции впитались в камень.

— И теперь камни нам пересказывают?

— Не пересказывают. Вспоминают. Вслух.

— Прелестно. Я вампир, меня и так всё бесит, а тут ещё болтливая геология.

Я присела у одного из валунов — серого, с прожилками, похожими на руны. От него шёл слабый гул, и если прислушаться, можно было разобрать обрывки фраз. Не голос — скорее эхо голоса. Женского. Она говорила о ребёнке, которого потеряла, и о том, что каждый год приносила на это место цветы. Я отдёргнула руку.

— Там кто-то есть? — спросила Лиара.

— Была. Давно. Не хочу дослушивать.

— Я бы тоже не стал, — сказал Грон. — У меня своих мёртвых хватает.

Он стоял чуть поодаль и смотрел на другой камень — огромный, с плоской вершиной. От него шёл низкий, почти неслышный гул. Мужской голос. Говорил о битве, о мече, который сломался, и о друге, который не успел.

— Тролли, — тихо сказал Грон. — Тут были тролли. Во-евали за Анимантов.

— Ты слышишь их? — спросила Ксафа.

— Не слышу. Чувствую. Это как... ну, как если бы ты нашла старый нож своего отца.

— Я нашла, — сказала Ксафа, и на секунду её лицо дрогнуло. — В тот день, когда его убили. Он был ещё тёплый.

Тишина стала глубже.

— Так, — сказал Вален, хлопая в ладоши. — Давайте договоримся: если кто-то слышит голоса из камней, он сразу говорит об этом, а не сидит с лицом «я сейчас заплачу». Мы команда, а не похоронное бюро.

— Ты первый нарушишь это правило, — заметила я.

— Я вампир. Мне можно.

Рейнар, который всё это время молча стоял у края равнины, обернулся.

— Здесь безопаснее, чем в лесу, — сказал он. — Но ненамного. Камни не нападают, но могут свести с ума. Если

слишком долго слушать, начнёшь путать их воспоминания со своими.

— И что делать? — спросила я.

— Не слушать долго. Идти быстро. К вечеру должны добраться до восточного края.

— А там?

— А там — Элизий. Или то, что от него осталось.

Мы двинулись.

Идти по равнине было странно. Под ногами похрустывала мелкая галька, и каждый шаг отзывался эхом — не в воздухе, а прямо в голове. Камни говорили. Некоторые — громко, почти кричали. Другие — шептали так тихо, что приходилось напрягаться, чтобы понять. И это было хуже всего: непонятное слово вертелось в голове, как заноза, и ты уже не знал, твоя это мысль или чья-то.

В какой-то момент я поняла, что иду и повторяю одну и ту же фразу: «я успею, я успею, я успею». Остановилась. Откуда это? Не моё. Чужое. Какая-то женщина повторяла это триста лет назад, бежала по этой дороге и опоздала.

— Ирма, — Пепел ткнулся носом в мою ладонь. — Ты снова слушаешь.

— Уже нет.

— Слушаешь. Я вижу. У тебя глаза стали чужие.

— Чужие?

— Как у той тени в лесу.

Я мотнула головой и пошла быстрее.

Через час мы остановились у большого камня, формой напоминавшего сломанную арку. Здесь гул был тише, и Рейнар разрешил привал.

— Половина пути позади, — сказал он. — До вечера должны дойти.

— А потом? — спросила Лиара, разминая ноги. — Что мы будем делать, когда увидим Элизий?

— Зависит от того, что там увидим.

— А что мы ожидаем увидеть?

— Руины. Возможно, охотников. Возможно, ответы.

— А возможно, Баргеста, — добавила я.

— Возможно.

— Ты веришь в это?

Рейнар помолчал.

— Я верю в тебя. Это больше, чем вера в адских псов.

Вален, сидевший на камне с флягой, фыркнул:

— Вы опять за своё. «Я верю в тебя», «я рядом». Вы как старые супруги, которые обсуждают, кто пойдёт за хлебом.

— Заткнись, Вален, — сказала я.

— Не могу. У меня томатный сок закончился. Я теперь злой и разговорчивый.

— Ты всегда злой и разговорчивый.

— Но теперь без сока. Это хуже.

Ксафа, точившая нож на соседнем камне, вдруг подняла голову.

— Тихо.

— Что?

— Я слышу... нет, не камень. Что-то живое.

Мы замерли. Гул камней стал тише, будто они тоже прислушивались. И в наступившей тишине раздался звук — скрип, похожий на шаги. Много шагов. Приближаются.

— Охотники? — прошептал Грон.

— Нет, — ответила Ксафа, и её глаза полыхнули жёлтым.
— Хуже.

Из-за камней вышли фигуры. Высокие, тощие, с зеленоватой кожей и глазами, горящими как болотные огни. Одетые в лохмотья, но с оружием — старым, ржавым, но явно готовым к бою. Их было около дюжины.

— Кочевники, — тихо сказал Рейнар. — Те, кто остался здесь после падения Элизия. Они не любят чужаков.

— А мы для них кто? — спросила я.

— Чужаки.

— Прекрасно.

Один из кочевников — видимо, старший, потому что у него было больше шрамов и меньше зубов — шагнул вперёд. Он держал в руке копьё с наконечником из чёрного камня. Глаза его горели, но не злобой — скорее, любопытством.

— Анима, — произнёс он скрипучим голосом. — Мы чуяли тебя.

— Я не причиню вреда, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Не причинишь. Ты — ключ. Мы не трогаем ключи.

— А что вам нужно?

— Посмотреть. Убедиться, что ты настоящая.

Он подошёл ближе. Рейнар сжал меч, но я остановила его жестом. Кочевник склонил голову набок, разглядывая меня, и вдруг протянул руку — не к оружию, а к моему лицу. Пальцы, холодные и сухие, коснулись лба. Я почувствовала странное тепло — не магию, а что-то другое, почти человеческое.

— Да, — сказал он, отступая. — Ты та, кто ищет. Мы видели твоего зверя.

— Где?! — сердце стукнуло.

— В руинах. Он ждёт. Он сказал: «Она придёт».

— Когда?

— Скоро. — Кочевник развернулся и махнул рукой своим. — Идите, Анима. Мы не враги. Но дальше — охотники. Они тоже чувствуют тебя. Будь готова.

Он ушёл, и остальные растворились между камнями, как будто их и не было.

— Это было... странно, — сказала Лиара.

— Это было обнадеживающе, — поправила я. — Он знает, где Баргест.

— Или делает вид, что знает.

— Нет. Я чувствую. Он не врал.

Рейнар посмотрел на меня и кивнул.

— Тогда идём. До заката — к Элизию.

Мы двинулись. Камни снова зашептали, но теперь их голоса казались тише — будто они тоже ждали. Где-то впер-

ди, в руинах, Баргест поднял голову и стукнул хвостом по холодному камню.

— Она идёт, — сказал он в пустоту. — Я же говорил.
И в его красных глазах отразился закат.

Глава 7. Руины Элизия, или Кто ждёт в темноте

К вечеру мы вышли к Элизию.

Я ожидала чего угодно. Разрушенных башен, осыпавшихся стен, может, кладбища. Но Элизий оказался... целым. Не в том смысле, что город устоял, — время и Пустошь сделали своё дело, — но среди руин сохранились арки, мосты, целые улицы, мощённые белым камнем, который до сих пор светился в сумерках. Как будто город умер, но не сдался.

— Красиво, — прошептала Лиара, и из её волос снова полезли цветы — мелкие, белые, светящиеся. Впервые за всё время в Пустоши.

— Жутко красиво, — поправил Вален. — Как старый склеп, в котором забыли похоронить хозяина.

— Ты везде видишь склепы?

— Я вампир. У нас профессиональная деформация.

Рейнар остановился у высокой арки — всё, что осталось от ворот. За ней начиналась главная улица, уходящая в темноту. В конце улицы, на холме, стояло здание — почти не тронутое, с куполом, который слабо мерцал синим.

— Храм Анимы, — сказал он. — Если Баргест где-то здесь, то скорее всего там.

— Почему? — спросила я.

— Потому что храм — единственное место в городе, где магия ещё жива. А он — существо магии. Его бы потянуло туда.

Я посмотрела на холм. Что-то внутри дрогнуло. Искра. Она потянулась вперёд — не сильно, но ощутимо, как компас, указывающий на север.

— Он там, — сказала я. — Я чувствую.

— Я тоже, — тихо добавил Пепел.

Мы пошли по главной улице. Шаги отдавались эхом от белых стен. Вокруг было тихо, но не как в Мёртвом лесу, — здесь тишина была живой. Она дышала. Она наблюдала. В окнах пустых домов иногда мелькали тени, но не те, что падали в лесу, — другие, медленные, почти сонные. Остатки памяти. Осколки тех, кто жил здесь триста лет назад.

— Мне здесь не нравится, — сказал Грон. — Слишком... мирно.

— Ты предпочёл бы, чтобы нас опять атакowali? — спросила Ксафа.

— Я предпочёл бы знать, где враг. А здесь — как будто его нет. Но он есть. Я тролль. Мы чуем засады.

— Я тоже чую, — подтвердил Пепел. — Впереди. У храма. Ждут.

— Кто? — спросила я.

— Не знаю. Пахнут знакомо. И не пахнут одновременно. Мы переглянулись.

— Охотники, — сказал Рейнар. — Другого варианта нет.

— Что делаем? — спросила Ксафа, и в её глазах загорелся жёлтый огонёк.

— Идём. Но осторожно. Если они ждут — значит, мы им нужны живыми. Или они хотят что-то показать.

— Или что-то забрать.

— Или и то и другое.

Храм был огромным. Белый купол, колонны, увитые мёртвым плющом, и лестница, ступени которой стёрлись от тысяч ног. Мы поднялись и вошли внутрь.

Зал был полон света. Не магического — лунного. Через пролом в куполе лился серебристый поток, заливая центр зала, где на каменном возвышении лежал он.

Баргест.

Огромный, чёрный, дымный. Его глаза горели красным, но не так ярко, как раньше, — приглушённо, как угли под слоем пепла. Он лежал, положив голову на лапы, и смотрел прямо на меня.

— Пришла, — пророкотал он. Голос был слабее, чем в моих снах, но это был он.

— Ты жив, — выдохнула я и шагнула вперёд.

— Не совсем.

Я замерла.

— Что значит «не совсем»?

— Я жив. Но не так, как раньше. — Он поднял голову, и я увидела: его лапы были скованы. Не цепями — чем-то из света, тонкими нитями, тянувшимися к стенам храма. —

Пустошь... держит меня. Я здесь, потому что я — её часть теперь. Или она — моя. Я ещё не разобрался.

— Как это случилось?

— Когда я уходил, помнишь? Я думал, что умираю. Но Анима — твоя искра — она не дала мне уйти до конца. Она вцепилась в меня и вытащила сюда. В Пустошь. В сердце Элизия. Здесь я был... нужен.

— Кому?

— Ему, — Баргест повёл мордой в сторону темноты у дальней стены.

Из тени вышел человек. Высокий, худой, в белой мантии, которая когда-то была роскошной, а теперь превратилась в лохмотья. Лицо его было скрыто капюшоном, но глаза горели — не красным, не зелёным, а чистым золотом. И от него пахло так же, как от меня. Анимой.

— Кто ты? — спросила я.

— Последний Анимант, — ответил он. Голос был тихим, но звучным, как далёкий колокол. — Меня звали Элиас Торн.

— Торн?! — Рейнар шагнул вперёд. — Тот самый, который написал «De Anima Revocata»? Тебе триста лет!

— Триста двадцать, если быть точным. — Элиас чуть склонил голову. — Я ждал тебя, Ирма Ван Дарк. И твоего стража. Баргест — это ключ. Но не тот, о котором думают охотники.

— А какой?

— Ключ к возвращению. Не Пустоши. Элизия. — Он обвёл рукой храм. — Этот город умер не до конца. Он спит. И я, последний из Анимантов, держу его во сне. Но один я больше не могу.

— А при чём здесь Баргест?

— Он — мост. Адская гончая, связанная с Анимой. Твоя искра в нём, а он — здесь. Через него ты можешь либо разбудить Элизий, либо уничтожить его окончательно.

Я посмотрела на Баргеста. Он смотрел на меня.

— Ты понимаешь, о чём он? — спросила я.

— Не очень, — честно ответил пёс. — Но он меня кормит. Тут, правда, кормят странно — какой-то светящейся пылью. Но я не жалуюсь. Я же не привереда.

— Ты только что пожаловался.

— Это констатация. Жалоба — это когда я говорю: «Ирма, забери меня отсюда». А я этого не говорил.

— Почему?

— Потому что если ты меня заберёшь, город проснётся. И это будет либо спасение, либо катастрофа. Элиас ещё не решил, что именно.

Элиас шагнул ближе и откинул капюшон. Лицо его было молодым — неестественно молодым для человека, прожившего три века, — но в глазах читалась такая усталость, какой я не видела ни у кого.

— Я не враг, Ирма Ван Дарк, — сказал он. — Я был учёным. Я искал способ сохранить Аниму после падения импе-

рии. И я нашёл. Но цена... — он посмотрел на Баргеста, — цена была в том, чтобы привязать Аниму к стражу. К адской гончей. Твой пёс теперь не просто фамильяр. Он — хранитель города.

— И что будет, если я его заберу?

— Город начнёт пробуждаться. И вместе с ним — то, что убило его триста лет назад.

— И что это?

— Эхо. Тень Анимантов, которую они создали в попытке обуздать смерть. Они думали, что смогут управлять им. Они ошиблись.

В храме повисла тишина. Потом её нарушил Грон:

— Я не понял почти ничего. Но звучит так, будто нам предлагают выбор: либо оставить Баргеста здесь, либо разбудить чудовище.

— В точности так, — подтвердил Элиас.

— А третий вариант? — спросила я.

— Третий вариант — найти способ упокоить Эхо навсегда. Я искал его триста лет. Пока не нашёл. Но теперь, когда здесь ты, — он посмотрел на меня, — возможно, у нас получится.

— Что для этого нужно?

— Ты. И твой пёс. И твоя команда. И готовность войти в сердце тьмы.

Я повернулась к Баргесту.

— Ты как?

— Я как всегда, — ответил он. — Лежу, жду, терплю светящуюся пыль. Но если ты хочешь, чтобы я встал и пошёл с тобой добивать какое-то Эхо, — он зевнул, выпустив колечко дыма, — я, пожалуй, соглашусь. Но потом ты мне будешь должна.

— Что именно?

— Яичницу. И расчёску. Твоя причёска всё ещё ужасна.

Я рассмеялась — впервые за много дней.

— Договорились.

А где-то за стенами храма, в темноте руин, охотники переглянулись и начали окружать холм.

Глава 8. Допрос с пристрастием, или Что скрывает последний Анимант

Элиас Торн выглядел как человек, который триста лет не разговаривал с живыми и теперь не мог остановиться. Он расхаживал по храму, размахивая рукавами белой мантии, и говорил, говорил, говорил. О структуре Эха, о природе Анимы, о том, как древние Аниманты «переоценили свои возможности», и о том, что Баргест — «уникальный стабилизирующий фактор». Баргест, лежавший в центре зала, переводил взгляд с меня на Элиаса и обратно. Вид у него был такой, будто он не мог решить, что раздражает его больше: светящиеся путы, которыми он был скован, или лекция.

— Подожди, — перебила я Элиаса на середине какой-то фразы про «резонансные частоты эфирного тела». — Ты сказал, что Баргест — хранитель города. Как он стал хранителем? Я не назначала его хранителем. Я вообще не знала, что он жив.

— Не знала, — согласился Элиас и на секунду замолчал, будто подбирая слова. — Но твоя искра знала. Когда он умирал, ты отдала ему часть себя. Этого хватило, чтобы перенести его сюда. В сердце Элизия. Здесь он и застрял.

— Я не застрял, — подал голос Баргест. — Я временно

локализован. Это разные вещи.

— Ты лежишь на каменном полу, опутанный светящимися нитями, — заметила Ксафа.

— Это не нити. Это, — он покосился на Элиаса, — как ты их назвал? «Стабилизирующие эманации»? Я их называю «ерунда, которая мешает мне встать».

— Если ты встанешь, город начнёт пробуждаться, — напомнил Элиас.

— Ты это уже говорил. Но ты не говорил, что именно проснётся. Кроме Эха. Что такое Эхо?

Элиас остановился и провёл ладонью по лицу. Я заметила, что пальцы у него дрожат. Не от страха — от усталости. Триста лет держать город во сне — это, наверное, выматывает даже Аниманта.

— Эхо — это то, что осталось от Верховного Аниманта, — сказал он наконец. — Его звали Керион. Он был моим учителем. И он был гением. Он хотел победить смерть окончательно — не просто поднимать мёртвых, а стереть саму границу между жизнью и смертью. Чтобы никто не умирал. Вообще.

— Это звучит... благородно, — осторожно сказала Лиара.

— Это звучит глупо, — отрезал Рейнар. — Смерть — часть жизни. Если её убрать, мир сломается.

— Именно это я ему и говорил, — кивнул Элиас. — Но он не слушал. Он провёл ритуал. И стал Эхом. Существом, которое не живое и не мёртвое, а где-то между. И он погло-

тил Элизий.

— Поглотил — в смысле уничтожил? — спросил Грон.

— В смысле втянул в себя. Весь город, всех его жителей, всю магию. Я успел создать барьер и запереть его здесь. Но барьер слабеет. Если он рухнет...

— То Эхо вырвется, — закончила я.

— И пойдёт дальше, — подтвердил Элиас. — Через Пу-стошь. Через Мортемхолл. Через всё королевство.

В храме стало тихо. Даже Баргест перестал дышать ды-мом. Потом Вален произнёс то, что, кажется, думали все:

— То есть мы пришли спасать пса, а попали в историю с древним безумным магом, который хочет всех убить?

— Не хочет, — поправил Элиас. — Эхо не хочет. Оно про-сто существует. Как ураган. Как землетрясение. Его нельзя переубедить. Его можно только упокоить.

— И для этого нужна я, — сказала я.

— Нужна Анима. Твоя искра — единственное, что может коснуться Эха и не угаснуть.

— Почему?

— Потому что ты — такая же, как Керийон. Ты умирала и вернулась. Только он сошёл с ума от этого, а ты — нет. Пока.

Я вспомнила, что читала об этом в дневнике Рейнара: но-ситель Анимы — тот, кто однажды умер и вернулся. Я — возвращённая. Керийон — тоже. Только он прожил после это-го триста лет и превратился в чудовище. А я — пока нет.

— Ладно, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Допустим, я согласна упокоить Эхо. Что для этого нужно?

— Войти в ядро, — ответил Элиас. — Туда, где Керион провёл ритуал. Это под храмом. И взять с собой Баргеста. Он — твой якорь. Если ты начнёшь... терять себя, он удержит.

— А если он тоже потеряет?

— Он адская гончая. Они не теряют. Они либо держат, либо умирают.

— Я не умру, — сказал Баргест. — Я уже пробовал. Не понравилось.

Я посмотрела на Рейнара. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на Элиаса так, будто решал, с какой стороны начать вопрос.

— Ты веришь ему? — спросила я.

— Я верю, что он не врёт. Но это не значит, что он сказал всё.

— Я сказал всё, — возразил Элиас.

— Нет, — Рейнар шагнул вперёд. — Ты сказал, что ждал Ирму. Ты сказал, что без неё не справишься. Но ты не сказал, что будет с тобой, когда Эхо упокоят. И что будет с Баргестом.

Элиас помолчал. Потом опустил глаза.

— Когда Эхо исчезнет, барьер падёт. Город... перестанет существовать. А вместе с ним — всё, что его держит.

— В том числе ты.

— В том числе я.

— И Баргест?

— Баргест — часть барьера. Если я уйду, он... освободится. Но я не знаю, в какой форме. Он может стать прежним. А может — остаться призраком. А может — исчезнуть.

— То есть ты не знаешь, — медленно произнесла я.

— Я знаю только то, что без тебя всё точно кончится плохо. А с тобой — возможно, хорошо. Это лучше, чем ничего.

Я перевела взгляд на Баргеста. Он встретил его спокойно, как всегда, — красные глаза горели ровно, дым из ноздрей вился тонкой струйкой.

— Ты слышал? — спросила я.

— Слышал.

— И что думаешь?

— Я думаю, что этот тип говорит слишком много умных слов, а я лежу на холодном полу уже месяц. Мне надоело. Если есть шанс встать — я рискну.

— Даже если исчезнешь?

— Исчезнуть, спасая мир, — это звучит гордо. Лучше, чем исчезнуть от скуки.

Я опустила на колени рядом с ним и положила ладонь на его голову. Шерсть была тёплой и всё такой же плотной, дымной.

— Я не дам тебе исчезнуть, — сказала я.

— Знаю. Поэтому и рискну.

Сзади раздался скрежет. Это Ксафа точила нож. Она подняла глаза и сказала:

— Пока вы тут решаете судьбу мира, снаружи кто-то хо-

дит. Я слышу шаги. Много шагов.

— Охотники, — сказал Рейнар. — Они шли за нами.

— Сколько? — спросил Грон, вставая.

— Не знаю. Но достаточно, чтобы окружить храм.

— И что нам делать?

— Защищать вход, — Рейнар повернулся к Элиасу. — Сколько нужно времени?

— Чтобы подготовить ритуал? Час. Может, два.

— У нас нет двух.

— Тогда сделаем, что успеем.

Я встала и посмотрела на свою команду. Лиара с бледным лицом, из волос которой снова полезли цветы — на этот раз мелкие, белые, похожие на звёзды. Грон, который разминал плечи и уже не выглядел уставшим. Вален, сжимавший флягу, как оружие. Ксафа, в чьих глазах плясал жёлтый огонь. Элис, которая листала блокнот с таким видом, будто решала уравнение. Пепел, который ткнулся носом в мою ладонь и тихо сказал: «Я буду рядом».

И Рейнар, который просто стоял и смотрел на меня.

— Мы справимся? — спросила я.

— Мы всегда справляемся, — ответил он. — Ты держишь вход. Я держу тебя.

— А я держу вас всех, — добавил Баргест. — Даже не сомневайтесь.

Где-то снаружи, в темноте руин, охотники начали подниматься по ступеням.

Глава 9. Двойная битва, или Кто не спрятался — мы не виноваты

Охотники поднимались по ступеням, и звук их шагов отдавался от каменных стен храма глухим, ритмичным гулом. Они не бежали — знали, что спешить некуда, мы внутри, выход один, и этот выход они перекрыли. Я стояла у алтаря, ещё не до конца осознав, что именно мне предстоит сделать, а мои друзья уже занимали позиции. Кто-то из них, кажется, понимал ситуацию лучше меня.

— Грон, левый проход, — бросил Рейнар, вытаскивая меч. — Ксафа, правый. Вален, прикрываешь центр и не геройствуешь. Лиара, держись за Гроном. Элис, что видишь?

Элис щурилась, вглядываясь в проём входа, где уже мелькали первые тени. — Шестеро. Возможно, семеро. Тот, что с краю, хромает — старая рана. Ещё двое с посохами, скорее всего маги. Остальные — клинки.

— Хромает — уже плюс, — заметил Вален, сжимая флягу как оружие. — Может, сам упадёт, и нам меньше работы.

— Работы будет много, — сказал Грон и выставил руки. Его ладони слабо засветились — здесь, в Пустоши, иммунитет работал иначе, но хоть что-то работало.

Первые охотники ворвались внутрь. Они были не похожи на тех, что нападали на Мортемхолл: обмотки вместо пла-

щей, ржавое оружие, лица, изуродованные старыми магическими ожогами. Но главное — глаза. Пустые, бездонные, как у Калеба, когда тот попал под влияние Пустоши. Эти люди уже не были людьми до конца. Они были оружием, которое нацелили на нас.

Грон принял первый удар. Меч охотника столкнулся с его предплечьем и отскочил, а Грон, не теряя ни секунды, толкнул нападавшего плечом. Тот отлетел назад и врезался в колонну. Ксафа метнулась ко второму — её нож сверкнул, и охотник, выронив посох, схватился за бок. Вален двигался так быстро, что я не успевала уследить, и каждые несколько секунд кто-то из врагов спотыкался на ровном месте. Это он ставил подножки — вампир без клыков, который не умел кусаться, зато мастерски умел мешать.

Рейнар бился с двумя сразу, и я на секунду замерла, потому что никогда не видела его таким. Не холодным, не сосредоточенным, а почти яростным. Он не просто защищался — он гнал их назад, к выходу, вытеснял из храма, заставляя спотыкаться о собственные ноги.

А Элиас тем временем опустился на колени у алтаря и зашептал что-то, и от его слов воздух в храме начал дрожать. Светящиеся нити, связывавшие Баргеста, замерцали чаще. Пёс поднял голову и посмотрел на меня.

— Похоже, началось. Я, конечно, не специалист по ритуалам, но, кажется, этот тип собирается что-то включить.

— Он освобождает тебя?

— Или убивает. Я потом уточню.

— Баргест!

— Шучу. Почти.

Я опустилась рядом с ним и положила ладонь на его голову. Шерсть была тёплой, привычно плотной, и от неё пахло дымом — как всегда. Этот запах успокаивал, хотя вокруг гремел бой, звенела сталь и кто-то кричал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.